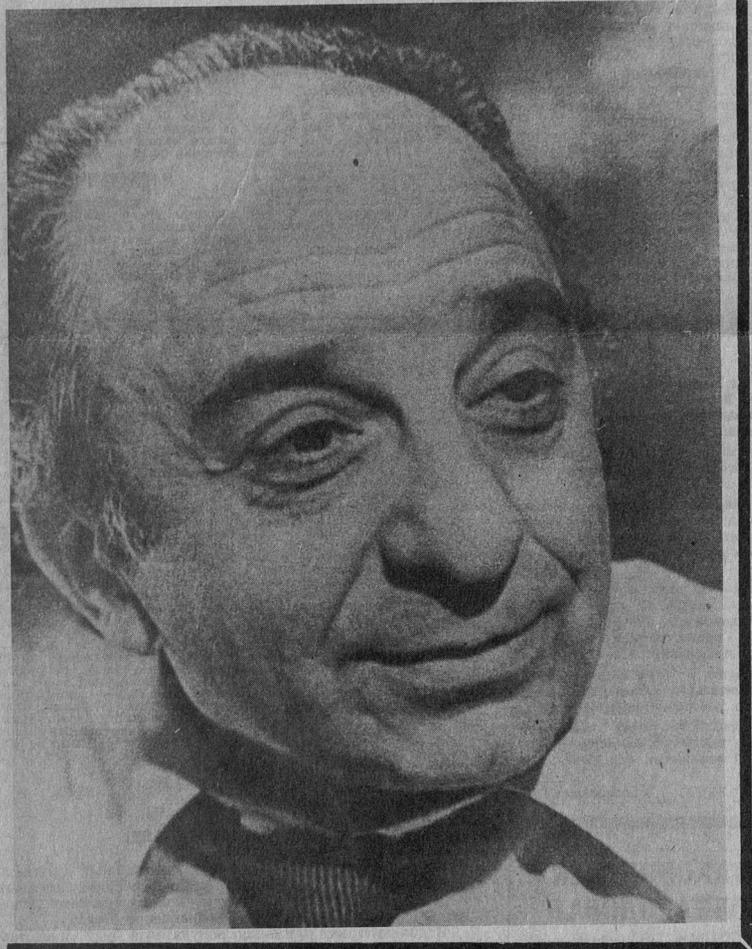

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СЦЕНЫ

ПАМЯТИ РАЧЬЯ КАПЛАНЯНА

«ОН НЕ УСТАЕТ ОТ ЛЮДЕЙ»

Рачья Никитовича Каплагяна связывала многолетняя творческая и личная дружба с замечательным актером, народным артистом СССР Михаилом Ульяновым. Яркое свидетельство тому — размышления о спектакле «Ричард III», о самом Каплагяне, о которой М. Ульянов делится с читателями в своей книге «Работаю актером».

В 1974 году театр Вахтангова поехал на не-большие гастроли в Ереван. Давний друг театра, ученик Рубена Николаевича Симона, крупный современный режиссер Рачья Никитович Каплагян в один из свободных дней пригласил нас посмотреть фрагменты его нового спектакля «Ричард III». Каждый вечер мы играли и великим спектаклем — посмотреть не могли, смогли посмотреть только фрагменты. Нам всем они показались очень интересными. На следующий день в доме гостеприимного хозяина зашел разговор о том, что хорошо бы у нас, в театре Вахтангова, поставить «Ричарда III». Каплагян давно хотел поработать с нашим коллективом, а тут готовое решение, есть актеры, которые заинтересованы в этой работе.

В октябре 1975 года были распределены роли, а Р. Н. Каплагян предложил мне быть не только исполнителем Ричарда, но и режиссером спектакля. И мы вступили на этот крестный путь.

Чем сегодня может быть интересно и важно театральное решение роли Ричарда? Каков сегодня «основной» руководящий тон этой роли? После многих вариантов, которые возникли, обсуждались и отвергались, мы с Каплагяном убедились, что наиболее отвечает нашему представлению о сегодняшнем смысле роли следующее размышление: мы живем в век, когда в то, что в другом конце света появляются, как дождевые пузыри, так называемые сильные личности. Не много ли их?

А в заключение я хочу снова вернуться к Рачье Никитовичу Каплагяну, постоянной поддержке, помощи и советам которого так много для меня значили в нашей совместной сложнейшей работе.

Я уже неоднократно пытался объяснить читателю настоящей книги, что театр требует такой отдачи, такого направления всех сил от своих служителей, что, к великому сожалению, они часто бывают обидчивы, подозрительны, нервы и возбудимы. Наверное, это плата и плата немалая, за те солнечные озарения, которые дает театр не только зрителям, но и своим творцам.

Однако бывают счастливые моменты, поднимаешь на самые большие театральные высоты, выполняешь огромную, подчас необъятную работу, сохраняешь жизнелюбие, внутреннюю свободу и доброту. Они счастливы так, словно впервые прикоснулись к чему-то, чего долго, терпеливо и настойчиво желали. Они умудряются соединить мастерство и опытность с юношеской увлеченностью и доброжелательством студента первого курса, им удается, достигнув очень многого в своей профессии, сохранить нервы, все неистраченные желания, всю несгоревшую любовь. Они похожи на тех редких солдат, которые прошли четыре страшных года войны, находясь все это время на передовой, не раз поднимаясь в атаку под пулеметным кинжальным огнем, сходясь в беспощадных рукопашных схватках, и, несмотря на все это, не получили ли одной царапины и

не озверели, не огрубели душой.

Вот таким, как мне кажется, счастливым в искусстве является Рачья Каплагян. Ему присуща замечательная черта — он не устает от людей, хотя редко когда их не бывает вокруг него. И всегда он спокоен, и всегда радушен, и всегда готов помочь, готов выслушать. В наш суматошный, напряженный век, в этой гонимой, но сумевшей сохранить, не потерять покой и внимательность. Надо сказать, что и удивляют эти качества чрезвычайно.

Михаил УЛЬЯНОВ.

СЛОВА ПРИЗНАНИЯ

...К удачам драматического коллектива Словацкого национального театра прибавилось еще одно название — «Живой труп» Толстого. Дстойное место эта постановка заняла прежде всего благодаря на родному артисту СССР Рачье Каплагяну, режиссеру необычайной эрудиции и богатого дарования, прекрасному послу из далекой Советской Армении, страны высокой культуры, которая вдруг стала словацкому народу, живущему в счастливой социалистической Чехословакии, такой близкой.

МАХАТА, народный артист ЧССР, лауреат Государственной премии Клемента Готвальда.

Многое мне нравится в нем: Рачья разговаривает тихо, не в полный голос, интонация у него вкрадчивая; будто он совсем хочет обласкать, глаза его озорные, со смешинкой (мне очень нравится его умный юмор), но иногда они глядят серьезно, будто вопрошают — как хорошо, когда о человеческих глазах можно говорить. Это бывает не так часто.

Жизнерадостный, неуспокоенный, с огромным запасом энергии, человек быстрого ритма и немедленной отзывчивости, и хочет он делать не малые дела, а большие — и они у него получаются. Духовная порядочность не позволяет ему быть нейтральным — мне кажется, что он пристрастен к жизни нашей, к людям нашим — только так может ощущать настоящий советский патриот.

Верико АНДЖАПАРИЗЕ, народная артистка ЧССР.

Темперамент Каплагяна поистине неуемен. Ему мало своего театра, недостаточно той большой работы, которую он ведет в АТО, мало работы со своими учениками — молодыми режиссерами — он успевает ставить спектакли, радуя своим талантом и московского зрителя.

Вот всем бы так! — хочется сказать, думая о Каплагяне. Беспокойный талант — одержимый, яркий, страстный.

Алексей АРБУЗОВ, драматург.

То, что в режиссере должны сочетаться безграничная эмоциональность и фантазия, огромная дисциплинированность и организованность — явления, которые в обычной жизни встречаются почти как несовместимые противоположности и являются причиной того, что по отношению к крупным и интересным режиссерам бывает так много отличных друг от друга оценок, которых столько же, сколько людей, встречавшихся с ними. Он одновременно говорит очень много хорошего и очень много плохого, ими восхищаются и их же нещадно ругают. Бесспорно и то, что для сохранения спокойной, безмятежной жизни сграждан было бы лучше, если таких людей было бы меньше. Но для театра было бы большим счастьем, если бы таких людей было бы как можно больше, потому что только они способны умело руководить театральными коллективами и развивать театральное искусство. Таким великим художником и организатором в современном армянском и во всем советском искусстве является Рачья Каплагян.

Каарел ИРД, народный артист ЧССР.

И не думаю, чтобы проблемы, которые сейчас стоят перед армянским театром, в корне отличались бы от проблем, которые волнуют всех работников советского театра. Может быть, в ряде случаев эти проблемы обостряются, но в основном они те же. И именно такие переломные этапы, этапы социальной эволюции, каверно обнакают слащавый «провинциализм», старательно прикрываемый долготельной мишурой...

Михаил УЛЬЯНОВ.

Не стало Рачья Никитовича Каплагяна... Для нас, коммунистов, потеря, возможно, вдвойне невосполнимая, ибо в его лице мы потеряли не только выдающегося армянского режиссера, но и нашего постоянного автора, чутко и откровенно говорящего о проблемах современного театра, о «болевых точках» времени.

Главная его черта, на которую обратили внимание мы, журналисты, — величайшая ответственность. Помните, как-то ему очень хотелось сказать на страницах нашей газеты свои мысли по поводу смерти выдающегося режиссера и театрального деятеля — народного артиста СССР, председателя Грузинского театрального общества Д. Алехидзе. И несмотря на то, что в это время он тяжело болел, Рачья Никитович, выплеснул на страницы нашей газеты боль по поводу невосполнимой утраты. В его небольшом слове прощания не было высокопарных, уже достаточно поднадоевших словословий, он говорил о человеке, о друге, без которого ему трудно работать...

Интервью, которое вы прочтете, не было. Это мысли, которые он высказывал на страницах нашей газеты в разные годы, по разным поводам, но, прочитав их, вы поймете, насколько его мысль опережала время, зачастую предвидя то, что будет потом. Он иначе не мог.

— Вы прошли большой творческий путь. Ваши самые яркие впечатления?

— С чувством огромной благодарности я вспоминаю довоенный ленинградский театр, где двенадцатилетним мальчиком я впервые подвинулся на подмостки театра. С восторгом я смотрел спектакли в постановке несравненного Вардана Аджемяна, а в некоторых из них и играл детские роли. У В. Аджемяна я получил первые уроки актерского мастерства. Театр стал моей судьбой. Мой актерский опыт обогатился затем в Ереванском ТЮЗе, который справедливо считается одним из лучших тюзовских театров страны. Мне дороги также годы работы в театре оперы и балета имени Спендиарова, где мне посчастливилось поставить ряд спектаклей в том числе и «Евгений Онегин», стажировка во МХАТе и общение с корифеями этого знаменитого театра...

— Как вы представляете современное развитие традиций?

— К традициям мы приобретаем с детства, это происходит естественно, как бы помимо нас, потом мы относимся к ним сознательно. Это наше богатство, наш багаж. Никто не может полностью оторваться от традиций, истинный разрыв с ними оборачивается против художника. Но когда традиции мешают человеку сказать свое слово — пусть негромко, но сколько хватает голоса, они становятся лишь балластом. Повторение общих мест не вызывает интереса и перестает быть искусством. Я часто вспоминаю слова одного из замечательных мхатовцев, уроки которого я запомнил на всю жизнь — М. Кедрова: «Традиция — это гонимый велосипед. Надо все время крутить вперед, а то упадешь». Об этом я нередко напоминаю молодым режиссерам.

— Известно, что армянский театр имеет много заслуг и достижений. И тем не менее, это не оградило его от серьезных проблем, перед лицом которых он сегодня оказался. Охарактеризуйте главные из них, требующие скорейшего решения.

— Я не думаю, чтобы проблемы, которые сейчас стоят перед армянским театром, в корне отличались бы от проблем, которые волнуют всех работников советского театра. Может быть, в ряде случаев эти проблемы обостряются, но в основном они те же. И именно такие переломные этапы, этапы социальной эволюции, каверно обнакают слащавый «провинциализм», старательно прикрываемый долготельной мишурой...

ОБАЯНИЕ И ВОЛШЕБСТВО

Вильям Сароян спустился по трапу самолета, обнял нас со всеми и первое, о чем он заговорил после того, как мы направились в город, было следующее:

— Рачья Каплагян — чудесный режиссер. В Москве я посмотрел поставленного им «Ричарда Третьего». На многих сценах мира я видел это произведение Шекспира, но постановка Каплагяна — лучшая. Крупный режиссер, у него богатое воображение, он может представить миру армянский театр. После просмотра «Ричарда Третьего» я спросил Рачью: «Сможешь ли ты поставить работу Нарекаци». Он ответил: «Да, смогу».

Великопленная голова Сарояна утверждающе кивнула:

— Верю, да, сможет поставить работу Нарекаци потому что у него громадное воображение...

В последующие дни часто возвращался к Рачье Каплагяну, находя его достойным преемником Вардана Аджемяна. Я с детства помню Рачью Каплагяна, когда он на сцене Театра юного зрителя играл Гикора... Как удивительно этому маленькому, худому, бледному ребенку до слез возводило нас, детей, множество раз прочитанных и знающих почти наизусть «Гикора» Туманяна. В дальнейшем я перевидел множество других Гикоров, но ни один из них не был таким непосредственным и таким волнующим.

Непосредственность — это

такли-корабли. Ведь и наслаждение, доставляемое искусством, в первую очередь должно служить дорогой к нравственности. Истина старая!..

— А сегодня зрителю, помимо наслаждения, требуется полная правда. Не только художественная — партийная, социальная, политическая, экономическая. Это и есть нравственность.

— А армянские театры опять и опять совершают каботажное плавание, не рискуя отдалиться от родных берегов, иначе — театральные привязанности.

— То есть, продолжая вашу мысль, когда все общество переживает нравственный подъем, определяется действительная энергия труппы.

ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ ЕГО МЫСЛЬ ОПЕРЕЖАЛА ВРЕМЯ

И именно такие переломные этапы, этапы социальной эволюции, каверно обнакают слащавый «провинциализм», старательно прикрываемый долготельной мишурой...

— Раскрывают художественную инертность, вы ее называете «провинциализмом».

— А инертность и есть постыдная периферия художественного мышления, ее неприглядная окантовка. Провинциализм не географическое понятие, а категория души. На недавнем совещании театральных деятелей ЦК КПСС приводился такой факт: руководители целого ряда организаций получили право дифференцировать заработную плату сотрудников — научных работников, конструкторов, врачей и т.д. Казалось, чего уж лучше! Поощрай, руководитель, работника усердного, нужного, бей рублем нерадивого! Провели: примерно в 15 процентах организаций этим правом пользуются, в остальных нет. Почему? Да потому что неизвестно, сколько хлопот нависнет с этим нововведением! Жить по старинке куда спокойнее!..

— Когда я перешел в академический театр имени Г. Сундукяна, думалось мне, сколько сил уйдет на затяжные конфликты с труппой из-за актерских трюизмов!

— Театр и время. Что вы думаете о их взаимодействии?

— Мы давно мечтали о гласности, демократии. Это важный фактор для искусства. Раньше мы истину говорили под сурдинку, выдавали щепотом в надежде, что умный поймет и до глупого дойдет. Сейчас нам дали возможность говорить, и мы, как правильно отметил Олег Янковский, почему-то кричим. Некоторые наши собрания

становятся притчей во языцех. Словесная эйфория порой кажется чрезмерной, а жажда «жареного» — навязчивой. Что же касается превращения в явь конкретных замыслов, то надо признать, они пробиваются с трудом, нередко с кровью. После одного нашего пленума я долго думал: откуда у моих коллег озлобленность, непримиримость, нежелание услышать другого? Речь идет об утрате нравственных ориентиров, притуплении непосредственных чувств, спекуляции на святых понятиях.

Ветер перемен ворвался в театр, но не выдул до конца благостное настроение. Самое опасное — потребительское отношение к перестройке. Многим невдомек, что перестройка требует трудового подвига, ежедневной отдачи, творческого дерзания. В самый раз вспомнить слова Станиславского: «Не пора ли при всякого рода организационных переменах держать во внимании один коренной вопрос — что для чего? Контра для сцены или сцена для контроя?» Талант и мастерство — вот точка отсчета в искусстве. А утрата мастерства менястораживает больше, чем борьба за «сферы влияния».

Также, однако, с пользой для себя, мы воспринимать демократию. С чувством горечи приходится отметить, что у нас исчезло понятие ансамбля, коллективного вдохновения. Вместо этого появилось опасное заблуждение «о коллективности» у нас не творчество, а руководство творчеством. Проблема взаимоотношений режиссера и актера всегда стояла остро. Я всегда подчеркивал мысль о единстве актера и режиссера. Замысел режиссера в конечном счете воплощает актер. Но в то же время интересные актерские замыслы без хорошего режиссера умирают. Личность главного режиссера играет большую роль.

Какая эпоха требует своих выразительных средств. Ставить спектакль сейчас по старым меркам — значит распыляться в своей идейной и художественной беспомощности.

Остро и необратимо надвигается на нас — проблема яркой, талантливой личности. Искусство создает личности. Но как на ходу перестроить годами налаженную и теперь волохотую работающую машину? Ведь недаром все наши режиссеры, начиная от Станиславского и кончая Товстоноговым, ратовали за Студию. Студии всегда обновляли сцену, выдвигали лидеров.

Студии, как правило, возникают естественным путем и целиком основаны на искренности и амбициях. Я очень хочу открыть новый театр с малой труппой. Надо дать энтузиастам возможность показать, на что они способны.

О чем я мечтаю? Хотел бы рядом стоять люди, связанные общими интересами, внутренним доверием и теплом, общей школой и умением говорить мало, а работать самоотверженно, памятуя, что «цель творчества — самоотдача».

Вильям Сароян поставит работу Нарекаци тоже сможет поставить. «Сможет, да», потому что самыми характерными чертами таланта Каплагяна являются удивительное воображение и лиричность. Можно ли считать случайным то, что Каплагян, основан ереванский драматический театр, поднял его занавес спектаклем «Ануш»? Безусловно, нет. Но Каплагян может спать не только лирическое и эпическое. Другой особенностью его искусства является и то, что ему удается гармонически соединить трагическое и смешное — это сложная задача, удачное решение которой приводит к высокому искусству.

Ваги ДАВТЯН.

На снимках: Вардан Аджемян, Геворг Эмин и Рачья Каплагян; Рачья Каплагян и Рубен Симонян; Рачья Каплагян и Вильям Сароян; Алексей Арбузов и Рачья Каплагян.